

Моей Фрэнсис — за то, что каждый путь ведет к тебе

Глава 1

Пустая квартира встретила недружелюбной темнотой. Андреа, не зажигая свет, скинула сумку у порога и прошла в гостиную. Поставила пакет с китайской лапшой на журнальный столик, упала на диван, закинула ноги на спинку. Одна туфля съехала с ноги и свалилась на пол, и Андреа отправила вторую за ней следом. Включила телевизор. Полежала так минут пять, прежде чем заставить себя сесть и поесть. Лапша уже почти остыла, но пойти и разогреть ее как следует не было сил. Последнее усилие воли она потратила на то, чтобы подняться и пойти в душ.

И вновь она вернулась домой к полуночи, хоть и обещала себе научиться расставлять приоритеты и грамотнее распределять время. А какой в этом был толк? В первую или в последнюю очередь, а работу все равно придется делать. Сейчас просто время такое, тяжелое. Многие находились в отпусках и на больничных, вот Андреа и приходилось работать допоздна и без выходных.

Она вернулась на диван, удобно устроилась, подложив декоративную подушку под голову. По телевизору диктор с монотонным спокойным голосом под пугающий видеоряд рассказывал что-то о нераскрытых убийствах, совершенных двадцать лет назад где-то в северных штатах. Какое-то время Андреа пыталась следить за повествованием и запоминать сведения об уликах, чтобы в конце вместе с диктором собрать все в стройную картину, но через несколько минут уже спала.

Андреа проснулась посреди ночи, не сразу понимая, кто она и где находится. Телевизор не работал: уже давно был запрограммирован отключаться через два часа бездействия. Хотя хватило бы и получаса. Работал он только тогда, когда хозяйке хотелось подремать.

Не спеша, чтобы не спугнуть сон, Андреа побрела в спальню. Вернее, двинулась в том направлении... Помешала туфля, подвернувшаяся под ногу. Прокляв все на свете и, в первую очередь, себя саму, Андреа пинком отбросила туфлю в сторону и заковыляла дальше. Прохладные простыни радостно приняли в свои объятия. Андреа удобно устроилась, но нога все еще саднила и в любом положении доставляла дискомфорт. Хоть бы не вывих. Девушка живо представила себя в метро на костылях.

Нет, конечно, она будет ездить на такси. Теперь она представила, как на костылях залезает в машину... Может, ей позволят работать из дома?

Мысль не вызвала ничего, кроме истерического смеха. Ну, конечно, а еще мистер Роджерс, ее босс, лично придет к ней домой, чтобы пожурить по поводу того последнего тендера... Господи, тендер! Отправила ли она конкурентный лист мистеру Роджерсу на согласование? Андреа ясно помнила, как составляла письмо, сначала добавляя, а потом удаляя из него ругательные слова — так писалось лучше. Но прикрепила ли она к нему текстовый документ? Точно, прикрепила!

На нее нахлынула волна облегчения. Андреа перевернулась на другой бок и устала в окно, неплотно задернутое занавеской. Неплохо было бы пропить курс витаминов для улучшения памяти. Кажется, она слышала, как коллеги обсуждали что-то подобное. Она тогда не спросила, постеснялась влезать в разговор, в который ее не приглашали. Надо будет...

Андреа зевнула. Хотелось спать, а сон не шел. Она снова перевернулась. Постель, нагревшаяся от тепла ее тела, уже не была такой приятной и удобной. Грядущее лето обещало быть жарким. Мучительно жарким... Хорошо бы кондиционер не подвел, как в прошлом году...

Светлело. Андреа с тоской посмотрела на часы. До подъема оставалось полтора часа. Больше она не заснет, как бы ни старалась. Будет лежать и мучительно ждать звонка будильника. Ну, что же... Зато будет больше времени на замазывание синяков под глазами, да и кофе выпить можно без спешки.

Чашка ароматного кофе вернула волю к жизни. Андреа улыбнулась сама себе, провела пальцем по ободку. Приятно, что подобные мелочи еще могли ее радовать. Чашка кофе и пять минут тишины в голове способны творить чудеса! Жаль, нельзя останавливать такие мгновения.

Вздохнув, Андреа открыла ноутбук. Она не так часто проверяла личную почту, но в ближайшее время ей должно было прийти письмо от отца. Он улетел в командировку в Европу, и из-за разницы в часовых поясах они никак не могли созвониться.

Хотя Андреа подозревала, что дело не в поясах. Времени пообщаться у отца почти не находилось, даже когда они были в одном городе. Этим она, к сожалению, пошла в него: немного трудоголизма и много неловкости в отношениях с родными.

Андреа рассеянно пролистала письма с рассылками, рассказывающими о каких-то курсах или товарах. И как они каждый раз проходили через защиту от спама? Плохо только, что среди рекламных сообщений попадались и послания от поставщиков, у которых почему-то оказалась ее личная почта. Эти письма приходилось пересылать себе на

рабочую. Все, содержавшее в себе слова «приглашение», «школа» и «инновация», отправлялось в корзину сразу же.

Закончив сортировку, Андреа допила остывший кофе. Поморщилась. Все хорошее когда-то кончается. Впрочем, у нее еще оставалось немного времени перед работой, можно еще раз просмотреть удаленные письма, вдруг она пропустила что-то важное.

Все почтовые адреса были похожи друг на друга: наверняка сгенерированы какой-то программой. И лишь один будто бы отличался. Андреа прищурилась, читая его: *emmonty888*. Нахмурилась. Узнавание приходило постепенно. Наконец морщинка между ее бровей разгладилась. Она восстановила письмо из корзины и открыла его.

Дорогая Андреа Монтгомери!

Мы, Эмма Монтгомери и Робин Хартвуд, хотим пригласить Вас на торжество по случаю церемонии нашего бракосочетания. Церемония будет проводиться в церкви Иисуса Христа, а вечеринка пройдет в отеле Waterfront Inn, 8-я улица 221, город Ливенворт, 18 июля в 15.00. Дресс-код полуофициальный.

— Бракосочетания?.. — Андреа хмыкнула. — А ты школу-то закончить успела?

Конечно, успела. Сестра вроде бы и в колледже успела отучиться, что до сих пор не укладывалось у Андреа в голове. Эмме уже, наверное, больше двадцати лет.

Андреа притормозила, чтобы посчитать в уме. Эмме должно быть двадцать три или двадцать четыре — зависело от того, какой шел месяц. На календаре внизу экрана была дата. Май. Двадцать четыре, значит.

Андреа пролиستала письмо до конца и, под картой с описанием проезда к названному отелю, заметила постскрипtum:

Чтобы обязательно была, иначе прикончу!

Она успела лишь закатить глаза, прежде чем будильник оповестил, что пора выходить из дома.

Андреа спустилась в метро, стараясь не выбиваться из толпы, чтобы не быть растоптанной. Она пристроилась за высоким и широким мужчиной, который прокладывал себе дорогу мимо зевак, и довольно быстро смогла оказаться на платформе. Сегодня ей везло!

Если бы Андреа попросили описать, что представляет собой метро в час пик, она привела бы для сравнения ведро с крабами. Однажды в детстве она видела такое ведро в небольшом семейном ресторанчике с морепродуктами в Квинсе. Впечатления остались на всю жизнь.

Когда пришел поезд, и толпа занесла ее внутрь вагона, Андреа смогла наконец немного расслабиться. Она удобно устроилась, прислонившись к поручню, и погрузилась в свои мысли. Сложно поверить, что приглашение не было глупой шуткой. Хотя по возрасту Эмма вполне могла вступить в брак, невозможно было представить, что найдет-ся такой безумец, который *захочет* на ней жениться. Дело в отвратительном характере сестры: Эмма была грубой, резкой и себялюбивой. Она часто обижалась, когда хоть что-то шло не так, как ей того хотелось, порой закатывала истерики.

Нет, Эмма не была совсем уж плохой, но... наверное, Андреа просто слишком давно ее не видела.

Неудивительно: за последние десять лет их с Эммой связывали лишь редкие разговоры по телефону на праздники, да зимние каникулы года три назад, когда Эмма с матерью приезжали в гости к Андреа в Нью-Йорк.

Андреа смутно припоминала, что сестра запиралась в ванной и часами щебетала по телефону с каким-то... Роджером?

Робертом? Робинотом?.. Щеки Андреа покраснели от стыда. Эмма была вместе со своим женихом уже как минимум три года.

Это на три года дольше, чем продолжались любые отношения, которые пыталась завести Андреа... Вероятно, Робин успел понять, с кем имеет дело. И все равно решил жениться. Забавно...

Довести мысль до конца Андреа не успела, поскольку поезд уже подъехал к станции. Она влилась в поток выходящих людей и сосредоточилась на том, чтобы как можно скорее добраться до офиса. Поднялась в лифте на нужный этаж и прошла через опенспейс к своему месту. На рабочем столе ее уже ждала куча бумаг: договоры с правками и записка со сроками, в которые документы нужно было доработать. Впереди был еще один долгий и трудный рабочий день, который, скорее всего, перетечет в рабочую ночь.

Все мысли об Эмме и свадьбе вылетели у нее из головы.

В следующий раз Андреа вспомнила о свадьбе уже в воскресенье, в свой первый выходной за несколько недель. И вспомнила только потому, что ей пришло еще одно письмо, тоже от Эммы. В теме было указано: «На случай, если ты удалила первое...» Андреа хмыкнула. Все-таки сестра неплохо ее знала.

Дорогая Андреа! Не то чтобы меня волновало, будешь ли ты украшать своей кислой миной мой прекрасный свадебный банкет, но мама очень просила проследить, чтобы ты точно получила приглашение. А Робин сказал, что мы должны позаботиться обо всех гостях, даже о тех, кого обязаны позвать исключительно из-за родственных связей. Поэтому вот, проявляю заботу! Напиши, пожалуйста, планируешь ли ты явиться на торжество, а еще

лучше, явиться заранее: на знакомство с родителями, фотосессию и репетицию свадебного обеда. Если сможешь приехать за неделю, будет вообще отлично! Успеешь на девичник, и тогда мне не придется в одиночку терпеть нападки тетушки Мари.

Ты представляешь, я не успела еще выйти замуж, а она уже дает мне советы, как сделать так, чтобы муж со мной не развелся! Мне нужен кто-то, кто мог бы взять огонь на себя, когда она придет, иначе я за себя не ручаюсь.

И еще: у тебя планируется +1? Ты можешь взять с собой Бена, он вроде ничего. Только предупреди, пожалуйста, заранее! В общем, жду твоего ответа. Пожалуйста, не затягивай с этим, а то посажу тебя за стол с нашими кузинами. Они еще хуже, чем ты помнишь. Просто предупреждаю!

*С любовью,
Эмма*

Андреа вздохнула. Бен. Она даже не сразу поняла, почему сестра вспомнила о нем. С Беном они расстались уже... Это было до сдачи годового отчета, но после ее дня рождения. Итого около полугода назад.

Андреа почувствовала укол сожаления. Бен был неплохим парнем, но с ее, да и его ритмом жизни, молодым людям приходилось прикладывать все больше и больше усилий, чтобы быть вместе. И в какой-то момент Андреа поняла, что ей этого просто не хочется. Не хочется сложностей. И внутри ничего не откликается.

Расстались они так же быстро, как и сошлись. А жаль. Наверное, неплохо было бы поехать с ним на свадьбу. Воз-

можно, даже на машине. О, у них было бы увлекательное путешествие, как когда-то в детстве, когда они всей семьей ездили из Нью-Йорка в Ливенворт, в летнюю резиденцию Монтгомери.

Не сказать, правда, что поездки всегда проходили гладко. Подготовка всегда начиналась заранее. Андреа и Эмма собирали один на двоих чемодан. Тот был небольшим, а взять с собой как можно больше вещей хотелось обеим. Поэтому Андреа выкидывала тайком из чемодана кукол сестры, а Эмма — книжки Андреа.

Дело часто доходило до ссор, и Андреа, как старшей, приходилось уступать. Тогда, наверное, Эмма и усвоила, что, если очень громко кричать, в конце концов можно добиться желаемого.

На этом веселье не заканчивалось. Погрузившись в отцовский седан и отъехав на приличное расстояние от города, кто-то из семьи обязательно обнаруживал, что дома было забыто что-то важное. Если об оставленных вещах вспоминали дети, поездка продолжалась, а если родители забывали перекрыть краны или проверить розетки, приходилось возвращаться.

После вынужденного возвращения настроение у родителей уже портилось, но Андреа это мало волновало.

Стоило ей сесть в машину, как для нее начиналась совсем другая жизнь, в которой не было скучного домашнего задания и строгого расписания, в которой была только дорога и время с семьей. Ну, с ее частью...

Эмма почти всегда спала на заднем сидении, а Андреа смотрела в окно на проносящиеся мимо дома, заправки и деревья. Иногда ей даже разрешали устраиваться спереди, и тогда перед ней открывалась дорога, уходящая за горизонт. Как загипнотизированная, Андреа наблюдала, как перед ней открываются все новые и новые пейзажи.

Но ее любимым моментом было, когда, по мере приближения к Западному побережью, из-за горизонта начинали вырастать горные вершины.

Это был одновременно прекрасный и грустный момент, означавший, что поездка уже близилась к концу.

Когда они въезжали в Ливенворт, Андреа окончательно поникала и еще пару дней приходила в себя. Наверное, она была единственным ребенком на свете, с нетерпением ждавшим завершения каникул, чтобы вновь отправиться в путешествие.

Ливенворт... Как давно Андреа там не была. И дело не только в расстоянии — Ливенворт находился в штате Вашингтон, буквально на другом краю страны, — но еще и в воспоминаниях, неразрывно связанных с этим городом. Плохих и хороших было примерно поровну.

Десять... Нет, почти одиннадцать лет назад Андреа жила там с матерью и Эммой. Чуть больше полугода, прежде чем Андреа вернулась в Нью-Йорк. Но даже за полгода Ливенворт успел прорасти в ней и... разбить ей сердце.

Прошлое

Мать поднимает девочек в субботу до рассвета. Сегодня выходной, но отец семейства так и не вернулся вчера с работы. Это никого не удивляет, в последнее время такое происходит все чаще. Он много работает, чтобы у его дочерей было все, так он обычно говорит.

У девочек и впрямь есть все. Кроме отца.

Мать велит им собирать вещи на несколько дней. Поначалу Андреа и Эмма считают ее слова глупой шуткой. Потом — неудавшимся сюрпризом. И только когда мать уходит на кухню и возвращается, пах-

нушая алкоголем, понимают: что-то не так. Дальнейшие события Андреа запоминает яркими вспышками.

Эмма — вся красная от гнева, по щекам струятся злые слезы. Андреа и сама того и гляди заплачет, а может, и истерически рассмеется, но по другой причине. Она сжимает в руках рюкзак и поднимает воспаленные глаза на мать.

— Я не... — начинает Андреа, но Эмма перебивает.

— Скажи нам, что происходит!

— Можете спросить у отца! — рывкает мать. — Много не берите, только необходимое, летим без багажа. Остальное можно будет купить уже в Ливенворте.

Голос Андреа осип, она пытается сказать что-то, но получается только шепот.

— Не полечу, — выдыхает она. — Мам, я не хочу лететь.

— Я тоже! — кричит Эмма. — Почему ты нам ничего не рассказываешь? Я требую...

Ее игнорируют. Мать поворачивается к Андреа и говорит неожиданно мягко:

— Дочка, я знаю, что ты боишься. Но мы не можем тут оставаться. Пожалуйста, доверься мне. Все будет в порядке. — От нее пахнет виски из папиного мини-бара.

Дышать становится тяжелее. Андреа сжимает и разжимает кулаки, чтобы успокоиться. Пытается оценить ситуацию.

Где-то сбоку Эмма топает ногами и требует ей все объяснить. Мать пьяна и на взводе. Андреа видит, каких усилий ей стоит и самой не разреветься.

Сеанс коллективных рыданий. С губ Андреа срывается глупый, неуместный смешок.

Наконец, к ней возвращается голос:

— Я могу поехать на автобусе? Одна.

Мать качает головой.

— Прямой автобус отменили. Я не отпущу тебя одну добираться непонятно как. Хватит спорить, Андреа. А ты... — она разворачивается к Эмме. — Хватит выть, ради бога.

Андреа прикрывает глаза. Одна мысль о том, чтобы вновь оказаться в самолете, испытать эти тревожные мгновения, вызывает панику. Она представляет, как самолет оторвется от земли. Как ее будет вжимать в кресло. Секунды падения. Турбулентность. Заложит уши. Накатит паника. И это все при условии, что самолет долетит из пункта А в пункт Б без происшествий. А ведь Андреа знает, сколько всего может случиться...

О, она знает. Ей хватило одного единственного перелета и пары глупых фильмов про авиакатастрофы, чтобы возненавидеть самолеты навсегда. И вот теперь ее снова к этому принуждают.

— А что насчет поезда? — уточнят Андреа. — Пару лет назад мы с отцом...

Лицо матери меняется. Искажается — сначала гневом, потом болью.

— Там он с ней и познакомился, да? Ты ее, наверное, тоже знала. Обедали за одним столом, желали друг другу спокойной ночи. Как она тебе? — зло бросает мать.

Андреа отступает на пару шагов. Женщина из соседнего купе... Всегда приветливая и улыбчивая, приятная собеседница. Неужели Андреа пропустила,

как между той женщиной и ее отцом зародилось нечто большее?..

Мать замечает ее замешательство. Эмма затихает, удивленно уставившись на сестру.

— Извини, — говорит мать наконец. — Мы летим сегодня — и точка. Я дам тебе свое успокоительное.

Кажется, таблетка, которую Андреа выпивает в аэропорту, не просто успокоительное. В самолете она засыпает, а просыпается только от удара шасси о посадочную полосу. Удар посылает волну тошноты к горлу, и Андреа едва успевает выбраться из салона, прежде чем ее рвет. Мать держит ее волосы, нервно оглядываясь по сторонам.

Теперь мысль о полетах вызывает у Андреа не только тревогу и страх, но еще и тошноту. Особенно когда воспоминание накладывается на то, что было дальше.

Настоящее

В памяти Андреа существовало два Ливенворта. Один — город детства, где проходили ее каникулы. Он был наполнен радостью и смехом и, как и все ее детские воспоминания, окрашен теплотой и беззаботностью. Жаль только, что его образ практически стерся, как только самолет, на котором они летели тогда с матерью и Эммой, коснулся посадочной полосы в аэропорту Сиэтла.

Второй Ливенорт был противоречивым и неоднозначным. Порой Андреа ненавидела одну лишь мысль о нем, но в то же время думала о возвращении туда. Чтобы посмотреть, как все изменилось.

В прошлом Андреа не вдохновлял туристический статус города. Ей не нравились ни ежегодные фестивали, ни

стилизация зданий под Баварию, ни горнолыжный курорт прямо за городом. Не нравился поток туристов: ведь после них оставались грязь и мусор. Но живописные места, в которых располагался Ливенворт, всегда ее привлекали.

Ей нравились реки и парки, нравились горы, свежий воздух. Да и отель, где будет проводиться торжество, находился рядом с ее самым любимым местом во всем городе — островом Блэкбёрд, на котором имелся парк.

Парк был совсем небольшим: три пешеходных тропы, да и только. За пятнадцать минут его можно было неторопливо обойти по кругу. Андреа находила его на картах и каждый раз удивлялась, каким же бесконечно огромным он ей казался всю жизнь. Особенно в семнадцать лет, когда себя она ощущала бесконечно маленькой.

Поначалу она убежала туда, чтобы не разреветься у всех на виду. Позже она стала реветь реже и просто искала там покой и отдых.

Прошлое

Она спускается к реке, скрываясь за деревьями от любопытных взглядов, и только потом дает волю слезам. Она плачет, потому что не понимает, что происходит. И плачет, потому что догадывается. И ее догадка очень страшная. Плачет по своей прежней жизни, к которой не скоро еще вернется. Плачет по школе, из которой пришлось перевестись посреди учебного года. Ведь там остались какие-никакие, а друзья, а еще некоторые учителя, относившиеся к ней хорошо. Плачет по отцу, которого не видела уже около месяца. Плачет по матери, которая хоть и не была образцом совершенства в прошлом, но сейчас вообще стала лишь бледной тенью самой себя. Плачет по Эмме...

Нет, по Эмме она не плачет. Эмма, в силу возраста или умственных способностей, кажется, совершенно не хочет вникать в ситуацию и кого-то жалеть. Раз за разом доводит мать, а иногда и саму Андреа... А если ей никого не жаль, то и ее нечего жалеть.

Вместо Эммы Андреа плачет по самой себе.

А когда слезы высыхают, вдруг слышит треск ломающихся веток. На другом берегу из густой растительности выходит олененок и спускается к реке, чтобы напиться. Андреа наблюдает за ним, затаив дыхание, будто боится спугнуть. Она становится свидетелем чего-то сокровенного. Чего-то, доступного только ей.

После слез в душе остается пустота, но появление олененка — именно здесь, именно сейчас — это ли не хороший знак? Знак того, что жизнь не кончается.

Андреа приходит сюда снова на следующий день. И еще. И еще. Иногда она встречает оленей, иногда нет, но это место становится для нее укрытием, уголком надежности и спокойствия. Здесь она может побыть наедине с собой. Здесь — не то что дома, она может слышать свои мысли.

Настоящее

Андреа с легкой улыбкой стряхнула морок воспоминаний и заставила себя вернуться к письму. Конечно, угрозы тетушками и кузинами совершенно не вдохновляли. На свадьбе младшей сестры меньшее, что ее ждало, это вопросы о том, когда *она* выйдет замуж. Мероприятие готовилось с размахом, и перспектива общаться с родственниками целую неделю откровенно пугала.

Свадьба младшей сестры... Андреа тряхнула головой. Конечно же, она должна была поехать. Оставалось только придумать, как выделить на все время.